

РОЛЬ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА (К 100-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ)

© 2017 Д. К. Стожко¹, В. Г. Благодатских²

¹канд. филос. наук, доц. каф. истории и философии
e-mail: d.k.stozhko@mail.ru

²докт. ист. наук, проф., зав. каф. истории и философии
e-mail: profkom@usue.ru

Уральский государственный экономический университет

Статья содержит анализ роли западных держав – Великобритании и Германии – в подготовке и организации революционных событий 1917 г. в России. Раскрыта роль отдельных представителей российских политических верхов в данных событиях. Выдвинут тезис о целенаправленной подготовке внутривнутриполитического раскола в стране из-за рубежа. Аргументировано положение о необходимости более взвешенных оценок участия представителей отдельных стран в данных событиях.

Ключевые слова: влияние; заговор; измена; союзники; переворот; революция; революционные события; экономическая диверсия.

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что в российской исторической науке преобладает мнение, что в революционных событиях 1917 г. активное участие принимала Германия. Такое представление выглядит односторонним. В связи с этим целью данной статьи является историческая реконструкция конкретной ситуации в области подготовки и участия иностранных держав в революционных событиях 1917 г. в России.

Роль Германии в подготовке событий 1917 года

Известно, что немецкая сторона выделила стартовый капитал в два миллиона золотых марок для дезорганизации ситуации в России. Главным кадровым проводником данной идеи стал А. Парвус (Гельфанд), выходец из России с революционным прошлым, который создал в Копенгагене (Дания) «Институт народных экономических исследований». И уже отсюда была раскинута шпионская сеть в Петрограде.

Именно А. Парвус рекомендовал немецкой стороне вступить в контакты с В. И. Лениным, находившимся в то время в Цюрихе (Швейцария). Вскоре В. И. Ленин в знаменитом «пломбированном вагоне» оказывается в российской столице.

С точки зрения английских историков, «немецкое руководство понимало, что царь является единственной объединяющей силой в стране и что ослабление его власти – единственный путь, позволяющий ввергнуть страну в хаос и беспорядок. Постепенно в германском генштабе и министерстве иностранных дел созревают планы подрыва духа русских и целенаправленной подготовки революции в России – параллельно с дальнейшими военными ударами, чтобы побудить к мирным переговорам» [Хереш 1998: 222–224].

Однако это мнение не в полной мере отражает ту политическую игру, которую вели с Россией и за ее спиной не только ее политические противники, но и так называемые «союзники».

При этом «союзники» активно использовали различные политические силы внутри России, в том числе и самих монархистов. Так, один из них, В. В. Шульгин, объяснял свою неприглядную роль в принятии отречения Николая II заботой о монархии [Шульгин 1991: 382]. Что касается Германии, то с ее представителями российские монархисты не желали вести никакого диалога.

Роль Великобритании в революционных событиях 1917 года

Роль Германии в подготовке революционных событий, в принципе, достаточно известна. Но дело в том, что в их истории можно обнаружить и «английский след».

Известно, что именно на английское золото уже после Октябрьской революции 1917 г. был осуществлен заговор, результатом которого стало покушение на В. И. Ленина (1918 г.). Но и перед революционными потрясениями Великобритания не теряла времени даром.

Прологом к событиям стало убийство Г. Е. Распутина. Выгоду от этого получала именно Великобритания, поскольку Г. Е. Распутин выступал против войны. Эту позицию он навязал и императрице Александре Федоровне, которую стали обвинять чуть ли не в государственной измене. Затем больше: стали распространять слухи о неизбежности отречения самого царя.

В этой связи интересны рассуждения бывшего Председателя последней Государственной думы М. В. Родзянко, который писал в своих «Воспоминаниях»: «Мысль о принудительном отречении царя проводилась в Петрограде в конце 1916 года и начале 1917 года. Ко мне неоднократно с разных сторон обращались представители высшего общества. Многие при этом были совершенно искренне убеждены, что я подготовляю переворот и что мне в этом помогают многие из гвардейских офицеров и английский посол Бьюкенен» [Родзянко 1991: 202].

Отметим два обстоятельства. Во-первых, М. В. Родзянко увязывает инициативу грядущего переворота с военными и с иностранной дипломатией. Во-вторых, в своих «Воспоминаниях» М. В. Родзянко пытается представить себя искренним радетелем о монархии и «снять с души» грех предательства. Но он постоянно оправдывается и проговаривается о своем неприглядном участии в событиях тех лет. В частности, вот что он пишет о своем участии в тайной встрече с генералом А. М. Крымовым, активным сторонником организации дворцового переворота: «С начала января приехал с фронта генерал Крымов и просил дать ему возможность неофициальным образом осветить членам Думы катастрофическое положение армии и ее настроение. У меня собрались многие из депутатов, членов Г. Совета и членов Особого Совещания. Закончил Крымов приблизительно такими словами: настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, мы вас поддержим. Очевидно, что других средств нет» [Там же: 204].

И что же? Председатель Государственной думы возмущился этими словами, прервал совещание, проинформировал царя о позиции генералитета и армии? Вовсе нет. Он дал слово сначала кадету А. И. Шингареву, который заявил, что переворот необходим. Затем слово получил октябрист С. И. Шидловский, который прокричал, что «щадить и жалеть его (императора. – *Авт.*) нечего, когда он губит Россию». Тут же были приведены слова генерала А. А. Брусилова: «Если придется выбирать между царем и Россией – я пойду за Россией» и т.д.

Нельзя и представить, чтобы генерал А. М. Крымов, приехав с фронта, выражал исключительно свое частное мнение. Скорее всего, он выражал мнение определенной части российского генералитета, среди которого с полной уверенностью можно назвать генералов М. В. Алексеева, Н. В. Рузского и некоторых других, которые «по службе» периодически контактировали с генералитетом «союзников», а позднее приняли участие в государственном перевороте. По мнению О. А. Платонова, в конечном счете сформировался следующий сюжет. Сначала генералы «задержат» царя, когда он будет ехать в Ставку из Петрограда, и добьются от него отречения, а затем Государственная дума «узаконит» переворот. Генералу А. М. Крымову после всех этих событий отводилась роль генерал-губернатора Петрограда.

Кстати, генерал А. М. Крымов сначала предлагал убить царя на военном смотре в марте 1917 г. [Деникин 1990: 36]. Но история распорядится так, что жертва переживет палача: А. М. Крымов покончит с собой после неудавшегося путча генерала Л. Г. Корнилова в 1917 г.

Как утверждает О. А. Платонов, за всем этим стояли не только российские либералы из числа масонов, но и английские масоны и спецслужбы [Платонов 2005: 190, 195]. Понятно, что убийство Г. Е. Распутина и тем более отстранение императрицы от власти было не в интересах немецкого генерального штаба. Наоборот, выделяя финансовые средства на организацию революционных событий в России, германская сторона и не преследовала никаких радикальных мер по смещению монарха и установлению республиканского строя. Кайзер Вильгельм сам был монархом. И было бы наивно предполагать, что он видел в России что-либо другое, кроме монархии.

Но организовать в столице своего противника небольшой путч в поддержку германофильских настроений – это пожалуй ста. Отсюда можно сделать вывод о том, что роль германской стороны в революционных событиях 1917 г. в России была за последние сто лет «слегка преувеличена» или, как минимум, искажена.

Роль Великобритании в этих событиях, наоборот, была явно недооценена. И напрасно, поскольку очень многие члены Государственной думы, отдельные члены правительства, представители силовых структур так или иначе были связаны с Великобританией. Тот же П. Н. Милюков, лидер партии конституционных демократов (кадетов), в 1916 г. осуществил свое турне по Великобритании, читал в Кембридже лекции о «превратностях» российской конституции и с удовольствием принимал участие в различных банкетах, устраивавшихся в том числе и в его честь [Милюков 1990: 229–230].

Ярым англоманом был и лидер партии октябристов А. И. Гучков, считавший Британскую империю образцом для подражания и восхищавшийся деятельностью лидера английской либеральной партии Ллойда Джорджа [Боханов 1991: 90].

Не стоит думать, что упомянутый эпизод о секретном совещании заговорщиков был единичным случаем в политической обстановке тех лет. Другим эпизодом зреющего заговора, в котором прослеживается «английский след», стала встреча М. В. Родзянко в начале января 1917 г. с великим князем Михаилом Александровичем (в пользу которого Николай II и подпишет свое отречение). М. В. Родзянко стал объяснять брату императора, что «правительство и императрица Александра Федоровна ведут Россию к сепаратному миру и позору, отдают нас в руки Германии» и что «пока она у власти – мы будем идти к гибели». На это великий князь Михаил Александрович ответил: «Представьте, то же самое говорил моему брату Бьюкенен. Вся семья сознает, насколько вредна Александра Федоровна» [Родзянко 1991: 206]. Речь идет об английском поселе в Петербурге Джордже Бьюкенене (1910–1918 гг.), который публично заявлял, что «когда страна борется не на жизнь, а на смерть, ей не следует сковывать себя конституционными традициями». И который, по его

собственному признанию, установил «самые тесные связи» с М. В. Родзянко и П. Н. Милюковым [Бьюкенен 1991: 159]. В 1915 г. Дж. Бьюкенен организовал в российской столице «Общество сближения с Англией», через которое и осуществлял свое влияние на либеральные политические круги.

Таким образом, можно утверждать, что «английский след» в организации революционных событий явно прослеживается как на уровне ближайшего окружения императора (семья), так и на уровне высших эшелонов власти (Государственная дума). По свидетельству П. Г. Курлова (товарища министра внутренних дел), «потерявшее голову великосветское общество, в особенности после убийства Распутина и связанных с ним последующих высылки великих князей Дмитрия Павловича и Николая Михайловича, громко говорило о необходимости дворцового переворота» [Курлов 1992: 237].

Следует отметить, что «английский след» можно обнаружить и намного раньше грозных событий 1916–1917 гг. Он, в частности, обнаруживается в формировании враждебных царскому режиму настроений среди солдат и офицеров, которое поощрялось Великобританией и у «себя дома». Так, например, известный террорист Б. Савинков в своих «Воспоминаниях» писал, что еще в 1908 г. в Глазго в Шотландии, на кораблестроительном заводе Виккерса, при строительстве русского бронированного крейсера «Рюрик», шла открытая революционная пропаганда против царизма среди матросов строящегося крейсера. Ее при попустительстве местных властей открыто вели представители партии социалистов-революционеров (эсеров) [Савинков 1990: 254]. А вот еще один интересный факт: из пяти заграничных дореволюционных съездов РСДРП в Лондоне прошло три съезда этой партии. Английская столица в то время действительно превратилась в центр антироссийских интриг.

Правительство Великобритании задолго до войны уже активно готовилось к столкновению с Россией. И отношения между двумя странами были далеко не простые. Масла в огонь разгорающихся событий подлила также известная в России английская компания «Лена-Голдфилдс», организовавшая, по сути, экономическую диверсию. В марте–апреле 1912 г. в Бодайбо Иркутской губернии на Ленских приисках произошли трагические события – расстрел рабочих. Вряд ли стоит безоговорочно согласиться с мнением о том, что «вина за трагедию лежала полностью на провокаторах – большевиках» [Платонов 2006: 326]. Сегодня модно во всем обвинять большевиков.

Но ведь хозяйственную деятельность на Ленских приисках вела все-таки английская компания, которая не только не доплачивала рабочим, а часто просто задерживала заработную плату месяцами, обрекала рабочих на тяжелейшие условия труда, не оказывала им никакой медицинской помощи, вынуждая жить впроголодь. Рабочий день на приисках продолжался 13 часов. Ф. А. Бантыш, Иркутский губернатор (1911–1913 гг.), признавал невыносимое положение рабочих на золотых рудниках [Стожко 1998: 311].

Результатом хищнической политики английской компании как раз и стали Ленские события. И их необходимо рассматривать в общей канве исторического процесса, приведшего Россию к революционным потрясениям 1917 г. Поскольку золото по большей части уходило из страны и оседало в сейфах английских и французских банков, центральная власть оказывалась в крайне сложной ситуации.

С одной стороны, ей необходимо было выполнять союзнические обязательства и посылать на фронт все новые и новые полки и дивизии. А с другой стороны, у нее не было финансовых средств, необходимых для обеспечения армии современным вооружением, провиантом, фуражом и т.д. Напомним, что за время войны Россия отправила в Англию для закупки оружия более 700 млн золотых рублей [Ольденбург

1998: 503]. Но при этом английская сторона предоставляла вооружение своей союзнице отнюдь не по льготным ценам.

Кроме того, некоторые английские финансовые круги, с лордом Ротшильдом во главе, с самого начала войны пытались добиться от русского посла в Лондоне графа Бенкендорфа изменения некоторых российских законов [Там же: 504].

Еще более настойчиво Англия добивалась от России посылки солдат на восточный фронт с тем, чтобы снять напряжение на западном фронте. Война велась во многом за счет России и в ущерб ей. Тот же знаменитый Брусиловский прорыв (сентябрь 1916 г.) спас союзные армии в битве на Сомме под Верденом (ноябрь 1916 г.).

Практически все более или менее боеспособные войска, которые охраняли Петроград (включая гвардию), давно уже были отправлены на фронт. И вот это-то обстоятельство также сыграло свою роковую роль в последующих событиях. «Верной государю гвардии больше не существовало. Вернее сказать: полки существовали. Но те солдаты, которые служили в гвардии к началу войны, давно уже сложили головы. Сменившие их солдаты тоже почти все как один погибли на фронте. В гвардейских полках в Петрограде теперь служил третий и четвертый призыв. Тем самым, Петроградский гарнизон состоял уже не из преданных государю солдат 1914 года. На их место пришли революционно настроенные рабочие, которыми, в свою очередь, командовал третий и четвертый призыв офицерского запаса. Именно поэтому события переросли в нечто большее, чем голодные бунты» [Скотт 1993: 77–78].

Первым восстали солдаты столичного Волынского полка [Ольденбург 1998: 551]. Напомним, что В. И. Ленина в столице тогда еще не было. Вот и возникает вопрос: а причем тут германская сторона? Поэтому зря бывший министр иностранных дел России С. Д. Сазонов в своих «Мемуарах» обвинял В. И. Ленина в «экспорте революции» [Сазонов 1991: 285].

Но зимой 1916–1917 гг. события режиссировались явно в другом месте. Эта режиссура некоторыми авторами объяснялась неспособностью Николая II к эффективному руководству [Русские цари... 1997: 511]. Перед непосредственным началом революционных событий посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен открыто обсуждает сначала с царским генералитетом, затем с представителями Думы судьбу российского императора. Сначала он даже передает согласие правительства Великобритании на предоставление царю убежища. Но очень скоро это согласие отзывает [Страна гибнет сегодня 1991: 214].

Великобритания использовала различные, в том числе и неформальные средства и методы влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в России. Можно в качестве примера сослаться на деятельность так называемого общества англо-русского флага [Родзянко 1991: 42].

Очевидно, что приведенные примеры, большая часть которых пока не упоминалась и не анализировалась в исторической науке, вполне служат в подтверждение тезиса об «английском следе» в революционных событиях 1917 г. в России.

Современные оценки проблемы

В современной историографии все больше звучит мнение о том, что «именно наши союзники по Антанте убили Российскую империю. Первую скрипку в этом похоронном марше играла британская разведка» и что «февраль организовала не Германия» [Старииков 2006: 6]. А также, что «в дни разложения царизма английское правительство и сэр Бьюкенен задумывались о целесообразности совершения военного переворота», и даже «определенно были замешаны» [Ермаков 2006: 46].

Влияние Великобритании на события осуществлялось не только закулисно, скрытно, по дипломатическим каналам, но и непосредственно – например, путем завышения цен на закупаемую Россией военную технику, снабжения российской армии боеприпасами.

Завышение цен и затяжка в выполнении союзнических обязательств вызывали «голод» на военную продукцию. Вспомним, что министром военного снабжения в Великобритании в 1917 г. стал не кто иной, как «лучший друг» нашей страны и будущий идеолог «холодной войны» У. Черчилль [Роббинс 1997: 134].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в начальный период войны обеспечение снарядами составляло всего 1,5% от потребностей фронта, что также негативно повлияло на военную и политическую ситуацию в стране. Неслучайно поэтому Г. Г. Попов называет союзников России «хуже врагов» [Попов 2010: 94].

Таким образом, влияние западных держав, как противников, так и союзников России, накануне событий 1917 г. было по отношению к нашей стране враждебным. Как точно подметил А. И. Деникин, «революцию ждали, ее готовили, но к ней не подготовился никто, ни одна из политических группировок» [Венков 1998: 188].

Стремясь ослабить Россию и сделать ее заложницей своих геополитических интересов, европейские страны фактически спровоцировали революционные события 1917 г., которые во многом определили дальнейший ход истории.

Библиографический список

Боханов А.Н. Александр Иванович Гучков // Россия на рубеже веков. Исторические портреты. М., 1991. С. 79–111.

Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: Международные отношения, 1991. 344 с.

Венков В.В. А.И. Деникин // Белые генералы. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. С. 81–172.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Наука, 1990. Т. 2. 378 с.

Ермаков В.Д. Посол Великобритании сэра Джордж Бьюкенен // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 1(4). С. 44–47.

Курлов П.Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1992. 255 с.

Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Современник, 1990. Т. 2. 448 с.

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 576 с.

Платонов О.А. Последний государь: жизнь и смерть. М.: Алгоритм, 2005. . 640 с.

Платонов О.А. Заговор цареубийц. М.: Алгоритм, 2006. . 672 с.

Попов Г.Г. Почему Россия не могла не проиграть первую мировую войну // Вопросы регулирования экономики. 2010. Вып. 3. Т. 1. С. 92–98.

Роббинс К. Черчилль. Ростов н/Д.: Феникс, 1976. 320 с.

Родзянко В.В. Крушение империи. Книга воспоминаний. М.: Скифы, 1991. 288 с.

Русские цари. 1547–1917. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 576 с.

Савинков Б. Избранное. Л.: Художественная литература, 1990. 432 с.

Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991. 400 с.

Скотт С. Романовы. Екатеринбург: Ларин, 1993. 350 с.

Стариков Н. Кто убил Российскую империю. Главная тайна XX века. М.: ЭКСМО, 2006. 512 с.

Стожко К.П. История экономики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1998. 570 с.

Страна гибнет сегодня: Воспоминания о февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. 480 с.

*Стожко Д. К., Благодатских В. Г. Роль западных держав в революционных событиях 1917 года
(к 100-летию Октябрьской революции в России)*

Хереш Э. Николай II. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 416 с.

Шульгин В.В. Три столицы. М.: Современник, 1991. 496 с.